

не превращаясь при этом в законченного злодея шекспировских трагедий.

В своих критических работах, посвященных теории драмы, М.Андерсон не раз говорил о влиянии Шекспира на его творчество. В пьесе "Тысяча дней Анны Болейн", романтической драме нового времени, традиции шекспировского театра проявляют себя прежде всего в характере героя.

Е.Г.Новикова

ОППОЗИЦИЯ "МОНАШЕСТВО - БРАК" В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX ВЕКА

Активизация религиозно-философской мысли в русской культуре конца XIX века обусловила, в частности, возросший интерес к проблеме монашества. Причем традиционные для канонического христианства оппозиции "монашество - брак" (по сути - "дух - плоть") в данном культурном контексте не только актуализируются, но и проблематизируются, начинают оспариваться и разрушаться. Особую роль в этом сыграл один из лидеров "нового религиозного сознания" В.В.Розанов: исходя из представления о семье и браке как высшей гуманистической ценности, он характеризует христианство как религию смерти, страдания, "бесполости" и именно в этом смысле отрицает принцип монашества. Иначе говоря, сомнения в институте монашества как безусловной христианской ценности рождаются в контексте движения русской религиозной философии от теизма к гуманизму.

Причем, если религиозно-философская мысль, реализуясь в рамках построения общих понятий и категорий, названную оппозицию только обозначила и зафиксировала, то в русской литературе эпохи идет принципиальный процесс создания такой художественной ситуации, которая саму жестокость и однозначность оппозиций типа "дух - плоть", "монашество - брак", наконец, "гуманизм - теизм" стремится поднять на новый уровень и снять, художественно преобразовать.

Так, в повести А.П.Чехова "Черный монах", в которой тема монашества вынесена в заглавие, исследуется судьба молодого философа, посвятившего себя религиозно-философским изысканиям. На первый взгляд, повесть строит-

ся как художественная реализация характерных для "нового религиозного сознания" оппозиций "монах - семья", "монах - садовник", "небо - земля", "дух - плоть". Однако финал повести (гибель Песопкого, человека "земли", и Коврина, человека "неба") сигнализирует о том, что существование только по закону этих жестких оппозиций разрушает человека, обрекает его на смерть.

В повести Л.Н.Толстого "Отец Сергей" традиционный для христианской культуры образ монаха, искушаемого "бесом плоти", получает неожиданное развитие: оппозиция "дух - плоть", в сущности, снимается выходом Степана Касатского из кельи в мир; причем образцом истинного христианина для него становится Пашенька, живущая для своих близких, для своей семьи. Путь из монастыря в обыденную жизнь - вот путь в христианство, по Л.Н.Толстому.

Так, указанная проблема приобретает еще один аспект: возможно ли истинное монашество (или истинное христианство) в миру?

В романе Ф.М.Достоевского "Братья Карамазовы" этот узел проблем оказывается связанным с эпизодом смерти старца Зосимы. Святой старец, утверждая христианство как религию "радости", перед своей смертью завещает чистого Алешу миру, а не монастырю. Причем драма смерти старца в сознании Алеши оказывается организованной именно оппозицией "дух - плоть": даже истинно святая душа Зосимы оказалась как будто бессильной перед всеобщим законом разложения. Но вслед за страшным моментом духовного кризиса у Алеши наступает прозрение - оно рождено очень характерным евангельским текстом: "Брак бысть в Кане Галилейской, - читал отец Паисий.- <...> Это Кана Галилейская, первое чудо <...> Ах, это милое чудо! Не горе, а радость людскую посетил Христос, в первый раз сотворяя чудо, радости людской помог", - вот откровение, посетившее Алешу. Чудо свадьбы в Кане Галилейской спасло и укрепило душу молодого монастырского послушника; радость брака здесь - не оппозиция, но путь к истинному Иисусу Христу, коим движет прежде всего любовь.

Этот духовный опыт русской литературы оказался предельно плодотворным и для развивающейся религиозно-философской мысли. В этом смысле поразительным представляется финал знаменитой статьи С.Н.Булгакова "Героизм

и подвижничество" (в сборнике "Вехи"). В статье Булгаков размышляет о религиозной природе русской интеллигенции и формулирует свой идеал духовного подвижничества как своего рода монашества в миру. И в конце статьи, стремясь передать суть отношения русской интеллигенции к Христу, он совершенно неожиданно (на первый взгляд), но очень закономерно в контексте наших рассуждений обращается к Книге песни песней Соломона: к образу прекрасной Суламифь, потерявшей своего жениха и тоскующей о нем. Любовь - вот суть отношения русской интеллигенции к Христу; по Булгакову, любовь осмеянная, но не угасшая. Категория любви и стала той силой, которая в контексте русской культуры преодолела жесткость изначальной христианской оппозиции "монашество - брак".

Не жесткое противопоставление небесного и земного, но плодотворное воссоединение гуманистических и христианских ценностей - этим отечественную религиозно-философскую культуру конца века обогатила прежде всего русская литература.

В.М.Паверман

"ТЕАТР ЖЕСТОКОСТИ"

АНТОНЕНА АРТО И КЕННЕТА БРАУНА

В американской и российской критике существует мнение, что Кеннет Браун (1936), автор пьесы "Каземат" (1963), наследует традиции Антонена Арто (1896-1948), французского режиссера и актера, теоретика "театра жестокости". Спору нет: на изображении насилия над человеком построена пьеса Брауна, и уже одно это свидетельствует о том, что он не прошел мимо опыта Арто. Но каков характер осмысления писателем эстетики "театра жестокости"?

Художников сближает стремление обновить выразительные возможности театра, освободить его от власти традиций, увидеть сцену, связанную с жизнью, усилить степень эмоционального воздействия спектакля на зрителя.

Однако Арто и Браун в реализации своих задач исходят из различных представлений о назначении театра, единственная ценность которого, по мнению французского режиссера, заключается "в его мучительном, магическом отношении